

НАПРАВЛЯЮ ПОВТОРНО

18+

Соломон Славутич

Направляю повторно

«Автор»

2026

Славутич С.

Направляю повторно / С. Славутич — «Автор», 2026

Илье сорок один год. У него обычная работа, обычная квартира и жизнь, на вопрос о которой проще всего ответить: «нормально». Последнее время он плохо спит. Врач назначает препарат и предупреждает о ярких снах. Однажды ночью Илья оказывается на кухне квартиры, в которой не был много лет. Старый холодильник. Кнопочный телефон. Забытый счёт за интернет. Молоко правильного года. Всё выглядит слишком подробно для сна. Илья решает проверить, насколько далеко готова зайти эта странность.

© Славутич С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Соломон Славутич

Направляю повторно

Глава 1

Глава 1. Направляю повторно

Илья не считал себя несчастливым. Несчастье всё-таки предполагало некоторое событие. Что-нибудь должно было случиться: жена ушла, дом сгорел, врачи нашли пятно, начальник вызвал к себе и попросил закрыть дверь. У Ильи ничего такого не происходило. Поэтому на вопрос «как дела?» он обычно отвечал «нормально» и в большинстве случаев не врал. Ему был сорок один год.

Он работал в компании, которая продавала промышленное оборудование предприятиям, названия которых Илья забывал сразу после подписания договора. Формально его должность называлась «ведущий специалист договорного сопровождения». Слово «ведущий» появилось четыре года назад вместе с прибавкой в семь тысяч рублей. Никого он при этом не вёл.

Работа состояла преимущественно из того, чтобы документы, уже подготовленные другими людьми, переходили к следующим людям в правильном порядке. Иногда порядок нарушался. Тогда Илья находил документ, уточнял что-нибудь у бухгалтерии, пересылал файл ещё раз и писал: «Добрый день. Направляю повторно». Эта фраза составляла значительную часть его профессиональной деятельности.

Однажды он заболел и четыре дня не выходил на работу. Когда вернулся, обнаружил, что его обязанности распределили между Катей из соседнего отдела и молодым человеком по имени Максим, который работал в компании всего два месяца. Никаких проблем не возникло. Это немного удивило Илью, хотя он сам не смог бы объяснить почему.

— Мы там всё сделали, только по «Кронштадту» посмотри, кажется, дополнительное соглашение ещё не вернули, — сказала Катя.

Дополнительное соглашение действительно не вернули. Илья написал: «Добрый день. Направляю повторно». После этого рабочий порядок был полностью восстановлен.

Иногда ему казалось, что компания устроена разумнее человеческого организма. Если в организме переставала работать одна часть, начинались симптомы. Если на работу не приходил Илья, Катя просто открывала его папку. Илья даже находил в этом некоторое достоинство системы.

В тот четверг начальник отдела появился около одиннадцати, хотя обычно приходил к девяти. Он прошёл между столами, разговаривая по телефону, остановился возле Ильи и положил перед ним распечатку.

— Посмотри, пожалуйста. Там по спецификации цифры разъехались.

Илья взял лист.

— Хорошо.

Начальник сделал несколько шагов, остановился и обернулся.

— Сергей, и до обеда желательно.

— Хорошо.

Илью звали не Сергей.

Начальник уже ушёл в кабинет. Исправлять его не имело практического смысла. Документ действительно нужно было закончить до обеда, а имя в спецификации нигде не фигурировало.

Минут через десять Катя, не отрываясь от монитора, сказала:

— Сергей, если пойдёшь в бухгалтерию, спроси заодно, они по «Форте» счёт провели или опять ждут особого приглашения.

Он повернулся к ней. Катя выдержала паузу, всё ещё глядя в экран.

— Я решила не спорить с кадровой политикой.

К половине первой цифры перестали разъезжаться. Позже начальник вернулся, поблагодарил его и назвал Ильёй. Это даже несколько расстроило логическую стройность произошедшего.

Вечером он заехал в магазин. Взял хлеб, упаковку сыра, две бутылки воды, замороженные котлеты и долго стоял возле помидоров, пытаясь понять, зачем они ему. Ему хотелось купить что-нибудь, что выглядело бы как еда нормального взрослого человека. Помидоры подходили. Он положил четыре штуки в пакет.

Дома один оказался мягким снизу. Илья вырезал мягкое место, съел оставшееся и почувствовал, что в каком-то смысле всё-таки победил обстоятельства.

Квартира у него была двухкомнатная, купленная семь лет назад в ипотеку. Через одиннадцать месяцев ипотека должна была закончиться. Эту дату Илья помнил лучше, чем собственный день рождения.

На холодильнике висел магнит из Сочи. Он никогда не был в Сочи.

Магнит привезла женщина, с которой он когда-то жил. После расставания она забрала кофемашину, два полотенца и зарядку от ноутбука. Магнит оставила. Илья однажды попытался его выбросить, но почему-то положил не в мусорное ведро, а на стол. Через несколько дней он снова оказался на холодильнике. Никакой мистики: Илья просто прикрепил им квитанцию. Так магнит и остался.

С женщиной, которую звали Марина, он не общался уже почти пять лет. Расстались они без события, пригодного для рассказа друзьям. Никто никому не изменил. Тарелки не били. В какой-то момент оказалось, что вечером одному хочется смотреть телевизор, а другому сидеть в другой комнате, и это положение вещей устраивает обоих значительно сильнее, чем совместное время.

Марина сняла квартиру. Забрала вещи. Оказалось, что расставание уже произошло. Илья ещё долго называл её своей бывшей, хотя это слово казалось ему слишком насыщенным для их случая.

Последние месяцы он плохо спал. Тоже ничего особенно драматического. Он засыпал нормально, но почти каждую ночь просыпался между четырьмя и пятью и ещё минут сорок лежал, думая о вещах, которые днём не заслуживали ни одной мысли.

Почему крышки от контейнеров никогда не подходят к тем контейнерам, возле которых лежат. Нужно ли менять фильтр в вытяжке. Когда он последний раз видел школьного друга Дениса. Почему люди покупают декоративные подушки, если перед сном их приходится убирать.

Иногда мысли становились масштабнее. Например, Илья представлял, сколько ещё раз в жизни ему предстоит менять постельное бельё. Если делать это раз в две недели и прожить ещё сорок лет, получалось около тысячи раз. Число неприятно его впечатлило.

Менять бельё было нетрудно. Пугала сама тысяча одинаковых действий, стоящих впереди: в ней было что-то административное. Словно жизнь уже заранее сформировали в таблицу и протянули формулу до нижней строки.

После нескольких таких ночей он сходил к врачу. Не из-за тяжёлого состояния — просто на работе дважды перечитал один и тот же договор и всё равно пропустил отсутствие приложения.

Врач оказался молодым человеком с очень серьёзной бородой. Он задавал вопросы о кофе, алкоголе, нагрузке, телефоне перед сном, а дальше довольно долго расспрашивал, что именно происходит в те сорок минут после пробуждения.

— О работе думаете?

— Иногда. Но обычно мозг выбирает какую-нибудь вещь, которая до этого меня совершенно не интересовала, и почему-то решает, что сейчас самое время её разобрать.

— Например?

Илья помедлил, выбирая пример.

— Недавно я понял, что не знаю, где у человека должен находиться язык, когда рот закрыт. Я сорок лет как-то с этим жил и ни разу не интересовался. А однажды ночью вдруг подумал: он должен лежать на дне рта или касаться нёба? Кончик должен упираться в зубы или нет? Начинаешь его перекладывать — и любое положение кажется неправильным. А главное, уже невозможно вспомнить, где он находился за секунду до того, как ты об этом подумал.

Врач перестал печатать. Он молча смотрел на Илью, затем закрыл рот. Под правой щекой едва заметно что-то двинулось.

Он вернулся к клавиатуре, напечатал несколько слов и остановился. Сдвинул нижнюю челюсть, сглотнул и снова попытался печатать. Через полминуты снял очки, положил их рядом с клавиатурой и потёр переносицу.

— Продолжайте. Только, пожалуйста, без новых открытий в области физиологии.

Илья рассказал про постельное бельё. Врач выслушал подсчёты про тысячу смен одеяльника уже без прежнего профессионального спокойствия. Иногда у него всё ещё едва заметно двигалась щека.

В конце приёма он напечатал несколько строк, посоветовал меньше смотреть в экран вечером, больше двигаться и назначил препарат на короткий срок. Сказал начать с половины таблетки.

— Только сразу предупрежу: препарат довольно неприятный.

— В каком смысле?

Врач откинулся на спинку стула.

— Сонливость утром, головокружение, спутанность сознания. Иногда резко падает давление, человек встаёт с кровати и знакомится с полом раньше, чем успевает понять, зачем вообще вставал. Это из частого.

Илья кивнул.

— Из редкого — временная потеря зрения.

Он перестал кивать.

— Насколько временная?

— Обычно несколько минут. Иногда дольше. В отдельных случаях до конца жизни.

Теперь Илья слушал внимательнее. Врач продолжил с тем же выражением лица:

— Бывает внутреннее кровотечение. Это удобно тем, что кровь в основном остаётся внутри и не пачкает постель. Ещё описан некроз мягких тканей, чаще начинается с пальцев ног. Если заметить вовремя, часть стопы удаётся сохранить. Без пальцев ходить можно. Не идеально, конечно. Зато обувь в прихожей занимает меньше места.

Илья уже не был уверен, нужно ли это записывать.

— Иногда отказывает печень. Одна почка может перестать работать из принципа, вторая — из солидарности. Бывает отслоение ногтей. Зубы тоже могут начать выпадать, причём без какого-то особенно удобного порядка: не так, чтобы сначала дальние и никому не видно.

— А болезненное что-нибудь есть?

Врач впервые за весь список задумался.

— Бывает ощущение, будто между позвонками очень медленно вкручивают саморез. Но это явление, к счастью, мимолётное. Обычно часа три-четыре — и проходит.

Илья подождал продолжения.

— Ну, три-четыре часа — это терпимо.

Теперь уже врач посмотрел на него внимательнее.

— Вы сейчас серьёзно готовы принимать препарат после всего, что я перечислил?

— Я уже две недели просыпаюсь около четырёх и лежу до шести. Если это всё не временно, то в принципе да.

Врач недолго изучал его лицо, словно пытался установить, кто из них двоих первым перестал понимать шутку. Всё-таки улыбнулся.

— Хорошо. Значит, со сном действительно пора что-то делать.

Он развернул к Илье экран с инструкцией.

— Я вас немного проверил. Зрение, кровотечение, некроз, почки, ногти — всё это я добавил от себя. И зубы. Особенно зубы.

Врач ещё раз пробежал глазами инструкцию.

— В реальности всё гораздо скучнее: сонливость, головокружение, иногда спутанность после пробуждения. У некоторых бывают очень яркие сны.

Илья с облегчением откинулся на спинку стула.

Врач распечатал назначение, показал дозировку и протянул ему лист. Когда Илья уже встал, врач машинально провёл языком по внутренней стороне верхних зубов. Заметил это, замер и с неожиданным раздражением один раз ударил ладонью по столу. Илья предпочёл ничего не говорить.

Уже в коридоре он решил, что врач ему всё-таки понравился. Чудак, конечно. Понапридумывал какой-то совершенно адский список, выдержал серьёзное лицо до конца, и ещё специально перечислил всё, что сочинил, чтобы пациент не ушёл домой с мыслью, что у него от таблетки отвалятся пальцы или зубы.

Илья дошёл до лестницы и даже усмехнулся. Зрение — придумал. Кровотечение — придумал. Некроз, почки, ногти — тоже. Зубами вообще явно был особенно доволен. Он взялся за перила и остановился.

А про саморез врач ничего не сказал.

Илья ещё раз мысленно перебрал список. Нет. Саморез не сказал.

Он посмотрел на дверь кабинета в конце коридора. Можно было вернуться и уточнить. Даже нужно было, наверное. Но почему-то не стал.

В аптеке выяснилось, что упаковки ровно на десять таблеток не бывает. Пришлось купить тридцать. Илья подумал, что медицина таким образом проявляет оптимизм.

Первую половину таблетки он принял в пятницу. Специально выбрал вечер перед выходным. Если утром окажется выраженная сонливость, она никому не мешает.

Таблетка была белая, без насечки, и разделилась неровно. Одна половина получилась заметно больше другой. Илья сравнил обе. Врач сказал принять половину, но не уточнил, какую именно.

Он выбрал меньшую. Большую положил обратно в блистер. Выключил телевизор, почистил зубы и лёг. Ничего не произошло.

Минут через двадцать он подумал, что ожидать от снотворного какого-то момента наступления сна довольно нелепо. Если препарат работает правильно, человек не должен присутствовать при результате.

Эта мысль была последней, которую он запомнил.

Утром он проснулся поздно. Часы на телефоне показывали 10:47. Никаких ярких снов он не помнил. Голова была немного тяжёлая, но в пределах обычного субботнего состояния. Илья выпил кофе, убрал посуду из сушилки и почти до вечера не думал о препарате.

Вторую половину он принял в воскресенье. На этот раз ту, что была больше. Спал плохо. Дважды просыпался, один раз ходил в туалет, а около пяти утра долго лежал с ощущением, будто забыл что-то сделать. Утром решил, что большая половина, вероятно, была слишком большой.

В понедельник таблетку не принимал. Во вторник снова разделил новую. В этот раз ножом. Получилось почти ровно.

Он сидел на кухне и пил воду. На столе лежала клеёнка с мелкими зелёными квадратами.

Илья смотрел на неё секунд десять, прежде чем понял, что у него дома нет клеёнки. Причём понял это не сразу как проблему. Сначала возникла спокойная мысль: надо бы поменять. Следующая: я её уже поменял.

Он поднял глаза и только теперь заметил, что дело вообще не в клеёнке.

Кухня была маленькая, метров семь. Слева от окна стоял холодильник «Атлант», белый, с жёлтым следом возле ручки. Над столом висел календарь. На подоконнике — пустая банка из-под растворимого кофе, в которой когда-то рос зелёный лук.

Он знал эту кухню. Не «помнил похожую». Знал. Он прожил здесь почти три года. Съёмная квартира на улице Полярной. Первое жильё после того, как он съехал от родителей.

Илья медленно поставил стакан на стол. Стакан тоже был знакомый — толстое стекло, синяя полоска по краю. Таких было шесть. Один разбился. Ещё два. Последний он выбросил лет десять назад.

Он посмотрел на свою руку. Рука казалась обычной. Перевернул ладонь, зачем-то потрогал лицо. На ощупь лицо тоже не дало полезной информации.

В комнате работал телевизор. Кто-то говорил про пробки. Илья встал. На спинке стула висела серая футболка. Он помнил её.

Это уже начинало раздражать. Не пугать — раздражать. Сон слишком старательно демонстрировал реквизит. Как будто мозг решил доказать свою осведомлённость.

Илья вышел в коридор. У двери стояли знакомые кроссовки. На стене висела куртка.

В зеркале было его лицо, только с несколькими неприятными несовпадениями. У висков волосы были гуще, кожа под глазами выглядела ровнее, а небольшая складка возле рта, к которой он давно привык, куда-то исчезла.

Он приблизился к зеркалу, провёл пальцем по щеке и задержался у отражения. Сон явно пользовался материалом, который где-то у него уже был: фотографиями, отражениями, обрывками памяти. По крайней мере, это объяснение требовало меньше усилий, чем остальные.

Он вернулся на кухню. На столе лежал телефон. Кнопочный Samsung. Илья взял его. Экран загорелся.

03.09.2009

Он задержался на дате. Открыл календарь. Закрыл. Открыл снова. Третье сентября 2009 года никуда не делось.

Илья усмехнулся. Раз уж мозг взялся за декорации, халтурить он явно не собирался.

Он открыл сообщения. Несколько сообщений от матери. Одно от Дениса. Рекламное сообщение оператора. «С 1 сентября стоимость услуги...»

Текст был совершенно бессмысленным. И от этого происходящее вдруг стало убедительнее. Галлюцинация зачем-то воссоздала тарифное уведомление десятилетней давности.

Илья попытался понять, мог ли он когда-нибудь видеть именно это сообщение и просто забыть его. Теоретически мог. Человеческая память вообще позволяла объяснить слишком многое, особенно задним числом.

В телевизоре закончились пробки и началась погода. Илья подошёл ближе. В углу экрана тоже стояла дата. Третье сентября.

Он посмотрел за окно. Во дворе стояли машины, которые очень хорошо подходили всему остальному антуражу. Под окном курил сосед с пятого этажа.

Илья помнил его. Через несколько лет сосед умер.

Эта мысль появилась спокойно и тут же сделала происходящее неприятным. Илья отступил от окна. Ему вдруг не хотелось, чтобы сосед поднял голову. Илья знал о нём то, чего сам

сосед ещё не знал, и от этого живой человек за окном нарушал правила происходящего сильнее старого телефона или холодильника.

Если это был сон, он отличался от всех снов Ильи одной особенностью. В нём не происходило ничего.

Никто не преследовал его. Не появлялись умершие родственники. Не начиналась война. Он не летал. Не оказывался голым на совещании. Ему просто зачем-то дали эту квартиру. Полностью. Вместе с неоплаченным счётом за интернет на холодильнике.

Илья снял счёт с магнита. Потрогал бумагу. Посмотрел сумму. 480 рублей. Сумма показалась знакомой. Кажется, примерно столько интернет тогда и стоил. Внизу была дата оплаты. До пятого сентября. Он положил бумагу обратно.

Если собственное подсознание способно в четыре часа утра достоверно моделировать тарифы интернет-провайдера, подумал Илья, то, возможно, ему стоило работать в другой области.

Он снова подошёл к зеркалу. Зачем-то открыл шкаф в прихожей. Внутри лежали вещи, которые он давно забыл: синий шарф, папка с документами, пластиковый пакет с пакетами.

И вот эта ненужность подробностей оказалась страшнее их достоверности.

Человеческая память обычно сохраняет значимое. По крайней мере, Илья так считал. Первый поцелуй. Ссору. Смерть. Успех. Здесь же кто-то восстановил пакет с пакетами.

Он достал один. Жёлтый полиэтилен, красная надпись «Копейка», сбоку мелким шрифтом что-то про выгодные покупки. Илья совершенно не помнил этот пакет. Даже сейчас, держа его в руках, не узнавал. Это было уже интересно.

Он прошёл в комнату. На столе стоял ноутбук. Рядом лежал диск. На диване — джинсы. В углу — пылесос.

Тот самый пылесос сломался позднее, потому что Илья однажды попытался собрать им воду возле стиральной машины. Эту историю он помнил. Пылесос пока ничего об этом не знал.

Почему-то пылесос вызвал у него неожиданное сочувствие.

Сел за ноутбук. Теперь ему хотелось проверить не дату и не собственную память, а насколько далеко эта штука собирается зайти в подробностях.

Компьютер включился. В браузере Илья набрал адрес новостного сайта. Страница появилась белой. Возник заголовок и почти сразу исчез. В углу начал загружаться рекламный баннер. Ещё через некоторое время на месте текста появились какие-то рамки, половина картинки, снова ничего.

Илья подождал. Прошла минута. Сайт продолжал собираться на экране по частям, словно его не загружали, а доставляли.

Илья перевёл взгляд с часов на ноутбук.

— Понятно. Я в аду.

Ещё через полминуты страница наконец открылась.

Заголовки были о чём-то совершенно незнакомом. Какая-то встреча министров. Пожар на складе. Курс доллара. Футбольный матч. Илья прочёл несколько материалов. Ничего из этого он не помнил.

Это не доказывало ровным счётом ничего. Человек не помнит почти всё, что с ним происходило, не говоря уже о том, что происходило с министрами. Но ощущение сна стало слабее.

На смену ему пришло ощущение очень дорогой реконструкции, которую организовали неизвестные люди без ясной цели. Это объяснение было хуже сна, поэтому Илья пока оставил сон.

Он пошёл обратно на кухню. Взял стакан. Вода была тёплой.

Илья открыл холодильник. Там лежали сосиски, горчица, половина лимона и пачка молока. Он наклонился к молоку. Дата изготовления: 31 августа 2009 года.

Илья коротко засмеялся. Молоко правильного года было уже перебором.

Сознание могло остановиться на телефоне. Нет, оно заказало молоко правильного года.

Он поставил пакет обратно и закрыл холодильник. Допил воду и ополоснул стакан под краном. Струя была слишком сильной и несколько капель попали на футболку. Илья уменьшил напор, провёл пальцем по краю стакана, ещё раз сполоснул его и поставил в сушилку.

Машинально потянулся за полотенцем справа от раковины. Не нашёл. Провёл рукой по стене, посмотрел туда, где оно должно было висеть. Полотенца не было.

Илья повернулся в другую сторону. Там висело серое.

Он вытер руки. От ткани пахло стиральным порошком.

Он постоял возле раковины и зачем-то посмотрел на стол. Клеёнки не было.

Он не сразу понял, почему это его остановило. Стол был его нынешним столом — тёмная столешница, маленькая царапина возле края. Ту царапину он оставил прошлой зимой, когда резал хлеб без доски.

Холодильник тоже был другим. Белой банки на подоконнике не было. Календаря на стене не было. Даже свет был другой — холоднее.

На электронных часах духовки горело 04:38.

Илья стоял посреди кухни с полотенцем в руках и пытался вспомнить, когда именно заметил серое полотенце. До него? После? Он не смог.

Это беспокоило сильнее, чем если бы он проснулся от толчка или резкого звука. Там хотя бы существовала бы граница. Здесь её не было. Он просто мыл стакан, и кухня незаметно перестала быть той кухней.

Илья подошёл к холодильнику и открыл дверцу. Две бутылки воды. Сыр. Три помидора. Молока не было.

Именно это оказалось первой вещью, которую он решил проверить.

Он закрыл холодильник, задержал взгляд на дверце и лишь после этого вернулся в спальню. Блистер лежал на тумбочке. Одной половины таблетки не было.

Илья лёг, но спать больше не хотелось. Он попытался восстановить всё по порядку: кухня, телефон, сосед, ноутбук, новости, молоко. Ничего особенного. Это и было самым странным.

Если мозг решил устроить ему галлюцинацию, он мог хотя бы использовать предоставленное время разумно. Например, дать возможность поговорить с отцом. Или показать Марину. Или какую-нибудь давно забытую травму, которую следовало проработать.

Вместо этого он показал счёт за интернет.

В половине шестого Илья взял телефон и набрал название препарата. Добавил: яркие сны. Следом: реалистичные галлюцинации. Последним запросом набрал: сон знакомая квартира все детали.

Поиск выдавал форумы, инструкции, медицинские статьи и людей, у которых после таблеток по потолку ползали насекомые. У одного пользователя мебель начинала «дышать». Другой слышал голос покойной бабушки. Третий утверждал, что несколько часов разговаривал с котом и получил от него вполне разумные ответы.

Илья несколько минут читал обсуждение. На фоне этого счёт за интернет выглядел даже скучно. Ничего похожего на его случай он не нашёл.

Он снова лёг. Перед тем как уснуть, Илья решил, что больше таблетку принимать не будет. Решение было вполне твёрдым. Утром оно уже казалось несколько чрезмерным.

А вечером заметил, что пытается вспомнить, какого цвета была банка горчицы в холодильнике на Полярной. Не вспомнил. И это беспокоило его сильнее всего.

Глава 2

Глава 2. Эксперимент

На следующий вечер Илья таблетку не принял. И на следующий тоже.

Последние несколько ночей он вообще спал неожиданно нормально. Засыпал, просыпался утром, а промежуток между этими двумя событиями оставался там, где ему и положено было находиться: вне сознания.

Это позволяло считать, что решение, принятое после той странной ночи, всё-таки было решением, а не временной реакцией человека, который четыре часа назад разговаривал с молоком.

К пятнице препарат снова лежал на тумбочке. Илья несколько раз проходил мимо, не трогая его. Взял блистер, посмотрел на оставшиеся таблетки и положил обратно. Ближе к полуночи взял снова.

В этот вечер он почти наверняка мог заснуть и без таблетки. Это немного усложняло моральную сторону вопроса.

Илья попытался сформулировать для себя, зачем собирается её принимать. Любопытство звучало несерьёзно. Проверка побочного эффекта — уже лучше. Наблюдение за реакцией организма — почти медицински. На этой формулировке он остановился.

Разделил таблетку ножом. На этот раз половинки получились почти одинаковыми. Он принял одну, лёг и ждал, пока произойдёт что-нибудь достаточно странное, чтобы оправдать эксперимент. Уснул.

Илья стоял в прихожей и завязывал шнурок. Не было ощущения пробуждения или какого-нибудь события, после которого всё началось. Просто шнурок плохо затягивался.

Илья дёрнул сильнее, узел перекосялся, и только тогда заметил ботинок. Чёрный, кожаный, с квадратным носом. Он таких давно не носил. Илья выпрямился.

Вешалка. Зелёная куртка. Старая дверца шкафа с трещиной возле ручки. Обои с каким-то бежевым растительным орнаментом, который он ненавидел ещё тогда, когда жил здесь. Это была квартира родителей.

Он узнал её сразу — и почему-то прежде всего разозлился.

— Опять.

Слово прозвучало естественно. Как будто препарат просто повторил предыдущий фокус, только сменил декорации.

Из кухни доносилось радио. Не телевизор — радио. Кто-то обсуждал повышение коммунальных тарифов.

Илья прошёл по коридору. В ванной висело голубое полотенце с дельфином. Он помнил это полотенце. Оно было настолько старым, что ещё несколько лет после исчезновения дельфина оставалось голубым полотенцем без дельфина.

В комнате на письменном столе стоял системный блок с серой передней панелью. Рядом лежал телефон. Илья взял его.

На экране было:

17.02.2007

Он посмотрел на дату дольше, чем в прошлый раз. Открыл календарь. Закрыл. Ещё раз включил экран. Дата осталась той же. Почти двадцать лет. Он положил телефон обратно.

На секунду появилась мысль, от которой стало неприятно.

А если два раза подряд — это уже не совсем случайность?

Илья постоял посреди комнаты. Сам себе усмехнулся.

Таблетка. Яркие сновидения. Спутанность. Галлюцинации. Старые квартиры. Старые телефоны. Мозг достаёт из памяти декорации и собирает из них настолько убедительную сцену, насколько умеет.

Логично. Не обязательно хорошо объясняет, но хотя бы не требует переписывать физику.

Илья сел на край кровати. На покрывале лежала кофта, которую он носил в институте. Он потрогал ткань. Нити. Катышки. Запах порошка. Слишком подробно.

В прошлый раз особенно раздражали ненужные детали. Молоко. Счёт. Пакет. То, чего он не помнил и не должен был помнить. На экране телефона по-прежнему стоял 2007 год.

Мысль, которую он только что отогнал, вернулась уже в виде рабочей гипотезы. Идиотской, но рабочей.

А вдруг это действительно связано с тем, что уже было?

Илья сразу же нашёл несколько причин, почему это бред. Первая: такого не бывает. Этой причины, вообще говоря, должно было хватить. Но её не хватило. Потому что теперь была одна проблема. Гипотезу можно было проверить.

Илья несколько минут ходил по комнате, пытаясь придумать способ. Нужно было сделать здесь что-нибудь такое, что обязательно сохранится. Не в памяти. Физически. Чтобы в настоящем можно было проверить.

Первой мыслью была записка. Но записка могла потеряться. Её могли выбросить родители. Сам Илья мог выбросить. Положить куда-нибудь очень хорошо — тоже плохая идея. Он прекрасно знал, сколько ремонтов прошло через эту квартиру.

За шкаф? Шкаф позже меняли. Под линолеум? Пол перестилали. Внутрь стены? Слишком долго.

Илья подумал о том, чтобы что-нибудь сломать. Например, отбить кусок кафеля в ванной. Но кафель тоже позднее меняли.

Самое неприятное было в том, что почти все предметы вокруг имели известное будущее. Он смотрел на вещи и уже знал, что их больше нет. Стул выбросили. Сервант отдали тётке. Люстру заменила мать. Даже дверь в туалет поменяли после того, как её раздуло от протечки.

Илья неожиданно понял, что единственный предмет в квартире, который гарантированно будет находиться рядом с ним через двадцать лет, — он сам. Эта мысль ему сразу не понравилась. Поэтому он продолжил думать.

Можно сделать татуировку. Но чем? Можно порезаться. Но порез может зажить без следа. Можно выбить зуб.

Эта идея возникла и была отвергнута почти мгновенно, хотя не по моральным причинам. Зубы слишком дороги. Можно оставить шрам.

Шрам уже лучше. Нужно только сделать такой, который точно останется. Взгляд опустился на руки.

Направление рассуждений ему не нравилось. Хуже было то, что все остальные варианты после этого казались ненадёжными.

В ящике инструментов у отца должны были быть молоток и гвозди.

Илья замер.

— Нет.

Через минуту пошёл искать ящик.

Он стоял в кладовке и смотрел на большой строительный гвоздь. Гвоздь был ржавый на шляпке. Илья положил его обратно. Ржавчина вносила в эксперимент лишние переменные.

Нашёл другой. Почти новый. Молоток. И принёс всё на кухню.

С этого момента происходящее приобрело совершенно неправильную деловитость.

Илья положил молоток на стол. Рядом — гвоздь. Сел. Посмотрел на левую руку.

Почему левую, было понятно: правой он собирался держать молоток. Эта практичность его немного успокоила. Появилась новая мысль.

Если происходящее имеет хоть какое-то отношение к реальности и он сейчас повредит руку, то все следующие двадцать лет ему, возможно, придётся жить с последствиями. Можно задеть что-нибудь важное. Нерв. Сухожилие. Тогда утром он обнаружит, например, что два пальца не сгибаются. Это будет очень убедительным доказательством. Но дорогим. Илья отложил гвоздь. Посидел. Снова взял.

Проверить невозможное хотелось способом, который не требовал ничего невозможного от него самого. Такого способа Илья пока не находил.

Илья подумал о старой квартире на Полярной. Там можно было бы снять кусок плинтуса, написать что-нибудь на стене и проверить уже в настоящем. Но сейчас он находился не там. И понятия не имел, увидит ли вообще эту квартиру ещё раз.

Кроме того, такая проверка требовала ещё и куда-то ехать, что-то искать, возможно, разговаривать с новыми жильцами. Рука была здесь. И никуда не денется через двадцать лет.

Илья снова посмотрел на гвоздь.

— Это очень плохая идея.

Никто не возразил.

Он выбрал место на кисти, поставил кончик гвоздя к коже и сразу убрал. Слишком страшно. Попробовал ещё раз. Рука начала дрожать.

Тогда Илья рассердился на себя. Вся конструкция выглядела оскорбительно: если происходящее — сон, он боится сна. Если это не сон — значит, он действительно получил шанс проверить невозможное и теперь сидит на кухне, потому что боится гвоздя. Илья взял молоток.

Первый удар оказался слабым. Гвоздь только проколол кожу. Боль была резкой и совершенно настоящей. Илья сразу же передумал.

Проблема заключалась в том, что передумать теперь означало оставить маленькую ранку, которая ничего не докажет. Он смотрел на выступившую кровь и понимал, что оказался в очень глупой административной ситуации: процесс уже начат, а результат ещё не соответствует заявленной цели. Он ударил второй раз. На этот раз сильно.

Молоток сорвался немного вбок, гвоздь вошёл глубже, и Илья закричал. Не героически. Не коротко. Закричал так, что сам удивился собственному голосу.

Молоток упал на пол. Илья вскочил, задел стул, тот перевернулся. Руку пронзило такой болью, что на миг он вообще не мог понять, зачем человек добровольно согласился на это мероприятие.

Из ранки быстро пошла кровь. Гвоздь торчал из кисти под неприятным углом.

Илья смотрел на него и дышал через рот.

В голове возникла совершенно ясная мысль:

Можно было просто написать на стене.

Мысль была запоздалой и от этого особенно убедительной. Пришлось вытаскивать гвоздь. Это оказалось хуже.

После этого Илья ещё посидел на полу, прижимая к руке полотенце и пытаясь не смотреть на него слишком часто. Сердце колотилось. Лицо было мокрым. В висках стучало. Он несколько раз назвал себя идиотом, причём без внутреннего юмора. Всё-таки посмотрел на ладонь.

Рана была небольшой. Неприлично небольшой по сравнению с тем количеством боли, которое она только что произвела. Это даже обидело.

Если уж страдать настолько сильно, хотелось какого-то зрительного подтверждения.

Илья промыл руку под водой. Кровь снова пошла. Он замотал её кухонным полотенцем и затянул узел зубами.

Теперь нужно было ждать. Сколько — непонятно. В прошлый раз всё закончилось само. Что именно нужно сделать, чтобы это случилось снова, Илья не знал. Он сел на кухне. Рука пульсировала.

Через минуту стало понятно, что сидеть бессмысленно. Через пять — что эксперимент вообще был плохо спланирован. Через десять Илья начал злиться.

Если это сон, он не заканчивается как раз теперь, когда было бы особенно уместно. Если галлюцинация — боль слишком подробная. Если что-то ещё...

Эту мысль он пока не хотел заканчивать.

Он ходил по квартире, прижимая руку к груди. На кухне всё ещё работало радио. Ведущий рассказывал о погоде. Илья выключил его. Стало тихо.

Он сел на край ванны и снова размотал полотенце. Рана уже почти перестала кровить. Илья подержал руку под прохладной водой. Ещё. Смотрел, как вода стекает между пальцами и уходит в слив.

Через какое-то время ему стало неудобно сидеть. Он встал, продолжая держать кисть под струей. Наклонился ближе к раковине. Поправил кран. Вода стала теплее.

Илья какое-то время просто смотрел на неё.

Заметил, что кафель перед глазами слишком светлый. Не сразу. Сначала это показалось освещением. Он поднял голову. Плитка была белая.

Илья ещё немного подержал руку под водой. Посмотрел на зеркало. Шкаф был его нынешний. Полотенце на крючке — серое. Кран — другой.

Никакого отдельного момента он вспомнить не мог. Он просто мыл руку. И теперь стоял в своей ванной.

Илья выключил воду. Поднял кисть к свету. Боли не было. Полотенца на ней тоже.

Сначала ничего не увидел. Повернул руку. Ещё раз. И тогда заметил маленькую белую точку. Почти круглую. Точно там, где был гвоздь. Илья замер. Поднёс руку ближе. Шрам. Не свежий. Старый. Белый. Настоящий.

Он молча смотрел на него. Засмеялся. На этот раз уже нормально. С облегчением. С каким-то почти детским восторгом.

Он вышел из ванной. Вернулся. Посмотрел снова. Точка никуда не делась.

Илья ткнул в неё ногтем. Кожа была обычная. Шрам не болел.

Илья почувствовал, как всё внутри начинает перестраиваться.

Значит, дело не только в картинках. Он сделал что-то там — и здесь оказался след. Этого хватало с избытком.

Он прошёл на кухню, сел и снова посмотрел на кисть. Теперь всё выглядело почти просто.

Есть действие. Есть результат. Между ними почти двадцать лет.

Илья сидел, улыбаясь, пока не понял, что этот шрам ему знаком. Улыбка исчезла не сразу.

Он нахмурился. Провёл пальцем по белой точке. Знакомый. Очень знакомый. Илья попытался вспомнить. Где? Вспомнил.

Дача. Лет шесть или семь назад. Старая металлическая сетка возле сарая. Он тащил её, край сорвался и проколол руку почти насквозь. Было много крови. Марина тогда ещё жила с ним. Она долго ругалась, потому что он отказался ехать в травмпункт.

Илья смотрел на шрам. И чем точнее возвращалось воспоминание, тем хуже становилось.

То же место. Практически точка в точку. Он даже помнил, как несколько недель после этого наблюдал, как ранка белеет.

Илья положил руку на стол. Посидел. Снова поднял.

Нет. Шрам точно был раньше. До таблетки. До этой ночи. Он видел его сотни раз. Просто никогда не придавал значения.

Сейчас невозможно было понять, что именно он видит. След от гвоздя? След от сетки? Оба следа в одном месте? Или мозг просто взял уже существующий шрам и встроил его в происходящее?

Эксперимент, ради которого Илья добровольно пробил себе руку, не доказал ровным счётом ничего.

Он откинулся на спинку стула. Несколько минут сидел молча. Посмотрел на ладонь ещё раз.

Особенно унижительным было то, что место он выбирал сам. Никто не заставлял. Можно было поставить гвоздь на два сантиметра левее. На сантиметр. На другой руке. Можно было вообще не использовать гвоздь.

Из всей площади человеческого тела Илья каким-то образом выбрал именно ту точку, где уже имелся подходящий шрам.

Он представил себя несколько минут назад: молоток, кровь, крик, полотенце.

Вся эта адская процедура привела к результату:

у него по-прежнему был шрам, который у него уже был.

Илья закрыл лицо руками. Засмеялся. Сначала тихо. Сильнее. Смеялся довольно долго, потому что других достойных реакций не находилось.

Наконец успокоился и снова посмотрел на кисть.

Теперь оставался только один вывод. Если он хочет действительно что-то проверить, нужно перестать экспериментировать на том, что уже существует в настоящем.

Нужен объект, состояние которого он знает точно. Место, где заранее ничего нет. И изменение, которое невозможно будет объяснить старой травмой, забытым воспоминанием или случайным совпадением.

Илья вспомнил квартиру на Полярной. Старую комнату. Стену. Плинтус.

В этот раз мысль уже не показалась неудобной. Наоборот.

Стена была значительно надёжнее человека. И, судя по сегодняшнему опыту, ещё и намного менее болезненной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.